

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ ОБРАЗОВАНИЯ
МОСКОВСКИЙ ПСИХОЛОГО-СОЦИАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

МИР ПСИХОЛОГИИ

Научно-методический журнал

№ 1 (116)

Январь — март

Москва
2024

ОБЩАЯ ПСИХОЛОГИЯ, ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

GENERAL PSYCHOLOGY, PSYCHOLOGY OF PERSONALITY

УДК 159.9

DOI: 10.51944/20738528_2024_1_5

EDN: KRLRON

Ю. С. Витко, А. А. Лебедева

Духовный смысл:

возможности понятия и перспективы использования в психологии¹

Yu. S. Vitko, A. A. Lebedeva

Spiritual Meaning:

Possibilities of the Concept and Prospects for Use in Psychology²

Проблема исследования духовных феноменов актуальна в связи с возрастающим запросом со стороны различных социальных и медицинских служб на разработку наукоемких моделей работы и помощи с учетом духовного измерения жизни человека. В статье обозреваются основные взгляды на суть и природу духовных феноменов в психологической науке с учетом предпосылок в философской и религиозной традициях и очерчиваются готовность и возможности использования психологией понятия «духовный смысл» как отражения духовного опыта личности в смысловой структуре сознания. Полагается, что духовный смысл являет собой категорию, способную осуществлять исследования в сфере духовности, религиозности и психологии на междисциплинарном уровне.

Ключевые слова: духовный смысл, духовность, душа, психология духовности, смысл, саморегуляция.

Введение

В последние десятилетия наблюдается увеличение спроса со стороны практики на наукоемкие модели социальной и медицинской работы,

¹ Публикация подготовлена в ходе проведения исследования № 24-00-046 «Доказательный подход к развитию личности: возможности и ограничения» в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)».

² The publication was prepared within the framework of the Academic Fund Program at HSE University (grant № 24-00-046 “Evidence-based approach to personality development: opportunities and limitations”).

которые могли бы учитывать духовное измерение качества жизни человека. Это соотносится с тенденцией, наблюдаемой в научных трудах отечественных психологов, в которых все громче звучит императив о возвращении проблематики души в исследовательское поле психологии [5; 6; 17; 52]. Б. С. Братусь [6], обозревая исторический смысл отказа от употребления понятия «душа» в пользу «психики», отмечает изначальную вынужденность данного условия в силу необходимости вхождения психологии в ряд научных дисциплин, что требовало на тот момент уподобления естественно-научным областям и отказа от метафизических категорий. Автор подчеркивает, что подобная постановка естественно-научного метода во главу угла психологической науки привела к «снижению вертикали бытия» и ситуации *«последовательного вынесения за скобки вышележащих смыслодающих уровней»* [там же, с. 125]. В результате подобной методологической редукции значительный пласт феноменов, относящихся к духовной стороне жизни, был изгнан из психологической науки и признан предметом эзотерических, религиозных или теологических изысканий.

Дальнейшее вхождение психологической дисциплины в эпоху неклассической и постнеклассической науки способствовало пересмотру старых «методологических привычек», в том числе и в отношении духовных феноменов, о чем свидетельствует развернувшаяся в 2007 г. дискуссия в журнале «Психология. Журнал Высшей школы экономики». В рамках дискуссии было выпущено по меньшей мере 10 статей, в которых предложено несколько путей интеграции психологии и духовности — от полного слияния православной антропологии с психологической наукой [34] до полного разведения параллелей духовности и научной парадигмы [22]. Д. А. Леонтьев в ответной статье «Кесарю кесарево» [31], ссылаясь на В. Франкла, предостерегает: *«...религиозные категории не должны входить в структуру психологического объяснения и помощи»* [там же, с. 60], они могут быть предметом, но не «почвой», поскольку религия представляет собой иной тип познания и иную форму помощи. На наш взгляд, духовные феномены и духовный опыт могут и должны входить в предмет психологии, однако для этого требуется разобраться с тем, на какой методологической почве они должны укорениться.

Одной из возможностей для анализа духовных и религиозных феноменов предлагается синергетическая парадигма [10]. Сюда же косвенно можно отнести и идеи Д. А. Леонтьева [30], согласно которым духовность представляет собой высший уровень саморегуляции личности, ключевой экзистенциальный элемент наряду со свободой и ответственностью. Экзистенциально-смысловая регуляция [21] предполагает, что личность, способная к регуляции на этом уровне, характеризуется открытостью, способностью к самотрансформации и подлинному диалогу. Подобные идеи можно встретить и в работах В. Франкла [45], который в качестве одного из измерений в своей модели человека представлял ноэтические процессы, отражающие духовные феномены бытия, тесно связанные со смысловой сферой.

Особая форма работы смысловой регуляции личности подразумевает, что последняя обретает системное качество сверхпластичности, кото-

рое делает систему размыкаемой в мир и в то же время устойчивой. *«Мое единство — смысловое единство (трансцендентность дана в моем духовном опыте)... — подчеркивает М. М. Бахтин близость смыслового и духовного. — Душа — это образ совокупности всего действительно пережитого, всего личного в душе во времени, дух же — совокупность всех смысловых значимостей, направленностей жизни, актов исхождения из себя»* [3, с. 98—99].

Однако при всей убедительности авторов методологический путь остается не проработан и звучат неисполненными слова классика: *«Психологии пора выработать доминанту души на лицо смысла»* [17, с. 27].

На наш взгляд, довольно большую работу в направлении методологического осмысления возможностей изучения духовных феноменов в рамках аппарата психологической науки провел и Ф. Е. Василюк. В своей ключевой по этой теме работе, посвященной психологии молитвы, он пишет, что в любой молитве, независимо от того, чем она инициирована и на что направлена, *«молящийся должен вникнуть в духовный смысл предстоящего дела, совершенного проступка или свершившегося события»* [10, с. 141]. Молитва становится подлинной именно тогда, когда она сопряжена с ответственностью и «волей к смыслу». Именно акт осмысления делает возможным внутренний поворот, в результате которого переживание *«преображается, иногда радикально меняя свой знак и дух, превращаясь порой из реакции на неприемлемые обстоятельства в смысл, движущий жизнью»* [там же, с. 73].

Таким образом, в качестве единицы анализа, которая могла бы перебросить мост между личностным и трансцендентным пространствами, мы предлагаем рассмотреть понятие духовного смысла, поскольку оно представляет собой проекцию и психологическое основание процессов, происходящих иной раз вне рефлексии, за пределами не только речи, но и самого переживания как того, что личности так или иначе подвластно.

Духовный смысл как проблема философии, психологии и религии

Формулировку «духовный смысл» можно обнаружить во множестве классических и современных работ академического толка, имеющих к психологии как близкое, так и весьма отдаленное отношение: мыслители и исследователи говорят о «духовном смысле болезни» [20; 27; 38], «духовном смысле любви» [24], «духовном смысле войны» [19; 25] и др. Возникают вопросы: что побуждает мыслителей обращаться не просто к смыслу, но к смыслу духовному? Есть ли в духовном смысле нечто особенное, чего нет в других, казалось бы, наряду стоящих смыслах? И наконец, необходим ли в таком случае духовный смысл психологии, является ли он для нее термином, за которым стоит самодостаточная психологическая реальность?

1. Философский период развития идей о душе и духовных феноменах

Период развития психологии в лоне античной философии знаменуется расцветом представлений о душе, среди которых можно

отметить два основных направления — *античный материализм* (Демокрит, Эпикур) и *античный идеализм* (Платон) [15]. Учение Демокрита представляет собой панпсихическое решение проблемы души, принадлежащей так или иначе всем предметам окружающего мира. Душа, согласно материалистической школе, состоит из атомов огня и является причиной движения тела. Особый интерес здесь представляет развитие материализма Эпикуром, который вводит идею о самопроизвольном отклонении атомов, в чем выражаются проявление свободной воли человека, его способность быть субъектом самоизменений и изменений в мире вне зависимости от внешних влияний. Иное альтернативное решение свободы воли можно найти в учении стоиков, рассматривающих свободу воли как жизнь в согласии с познанной необходимостью. Стоицизм, помимо философского учения, предлагал системное практическое решение развития души, под которым подразумевалось преодоление зависимости от материального мира и проведение неустанной работы над тем единственным, что находится во власти человека, — собственной душой, и только в таком случае становится возможной свобода в полном смысле этого слова: *«Тело мое могут взять; но дух мой свободен»* [54, с. 21].

Другой взгляд на природу души обнаруживается в объективном идеализме Платона [15], который разделял мир вещей — доступное чувственному познанию в материальном мире и мир идей — истинно сущее бытие, мировой созерцающий дух. Душа человека, по Платону, представляет собой образ мировой души, утратившей свою связь с идеальным и призванной к воспоминанию духовной сути бытия. Учение объективного идеализма носило этический характер и призывало к заботе о своей душе через познание идеального — прекрасного, а также своей же собственной души как вместилища «спящих» идей. Лейтмотивы учения Платона в дальнейшем находят отражение в идеях римского религиозного философа Аврелия Августина, полагавшего необходимость человека погрузиться в глубину своей души для преодоления собственной индивидуальности и последующего соединения с трансцендентным [8]. Трансцендентное, таким образом, представляется как всеобщее надындивидуальное бытие, достижение которого путем познания идеальных сущностей представляет собой альфу и омегу жизни души.

Рационалистический характер античной философии был пересмотрен в эпоху Средневековья в связи с развитием идей схоластов, провозглашавших примат веры над разумным началом. Так, в русле учения Фомы Аквинского [43] достижение Бога как конечной цели познания совершалось не путем рассудочной деятельности, но через откровение как приобщение к Божественному началу. Именно в эпоху Средневековья философская мысль в наибольшей степени затрагивает темы духовного опыта, мистических состояний, религиозного переживания, богооставленности — духовных феноменов, которые, забегая вперед, лишь спустя несколько столетий вернулись в психологическое иссле-

довательское поле в качестве объекта исследования. Далее, с развитием идей Р. Декарта и естественно-научного направления душа как объект исследования постепенно предавалась «забвению» как метафизическая категория на несколько веков, уступив место категориям *психики* и *сознания* в качестве более доступных наблюдению и измерению.

Одна из крупнейших попыток возрождения души как объекта исследования уже в русле психологической науки произошла только в начале XX в. в связи с выходом книги У. Джеймса «Многообразие религиозного опыта» [14]. Обращаясь к духовным феноменам с позиции функционализма и рассматривая их с процессуальной точки зрения, автор проводит фактически первое масштабное феноменологическое исследование духовных и религиозных переживаний путем анализа писем людей, переживших подобный опыт. Поскольку, согласно У. Джемсу, сам духовный опыт представляет собой невербализуемую единицу религиозности, психологическому анализу может подвергаться не сам опыт непосредственно, но его представленность внутри процесса *переживания*, доступного вербальному описанию и, соответственно, изучению. Так, именно *духовное переживание* предлагается в качестве предмета психологического исследования.

2. Духовный смысл как явление религиозной картины мира

Прежде чем определить психологическое содержание понятия духовного смысла, обратимся к наследию религиозной мысли, по определению обращающейся к духовным феноменам как к основному предмету анализа. Согласно трудам преподобного Максима Исповедника [35; 36] смысл обретается только в отношениях с Богом и имеет божественную природу. Особое значение преподобный придает состоянию самого ума, не подверженного чувственным мечтаниям, которые способны рассеять его и сделать неспособным воспринимать Божественное Слово из-за увлеченности мнениями и страстными рассуждениями. Подобное состояние переплетения греховных помыслов и страстей преподобный называет «бессмысленным неведением», подчеркивая, что таким образом становится недоступным созерцание истинного смысла — Божественного Слова. Анализируя сюжеты Священного Писания, Максим Исповедник обращается к их духовному смыслу, подразумевая под этим словосочетанием не пересказ общеизвестной формы самой истории, но усмотрение в ней некоторой метафоры человека и его душевной жизни, стоящей в качестве «задачи на созидание». Усмотрение духовного смысла в Священном Писании, таким образом, является созерцательной практикой умозрения себя и состоит в прохождении пути от человеческого слова до Слова Божьего — сути вещей, открываемых как Божественное. Преподобный указывает на необходимость проникновения в глубинный смысл совершаемых таинств, обнаружения божественного в чувственно представленных символах, что является необходимым условием установления Богообщения. Прира-

щение смысла, таким образом, есть и приращение бытия, достижение обожения, подобия образу Христа [26].

В наследии преподобного Исаака Сирина духовный смысл описывается как соприкосновение ума с Богом через своего рода прозрение, в котором человеку открываются сокрытые божественные тайны: *«Много раз, когда ум возбужден каким-либо прозрением относительно действий, которые или происходят в естественном мире, или упоминаются в Писаниях, когда узревает он их духовный смысл и когда взирает, благодаря сопутствующей им благодати, на святое святых тайн Писаний, тогда не остается у него даже силы молиться или помысла, ибо умолкает он телом и душой»* [41, с. 235]. Здесь, во-первых, любопытно выражение «святое святых тайн Писаний», которое высвечивает степень глубины открываемого духовного смысла как самой сути. Во-вторых, духовный смысл раскрывается здесь не столько как феномен, выражаемый в языке как текст, но в большей степени как опытное проживание истины.

Таким образом, в трудах преподобных ясно прослеживается идея о духовном смысле как личностном раскрытии в человеке Божественного Слова, через обнаружение которого в символах таинств и Священного Писания достигается обожение. Иное определение мы находим у более современных христианских авторов.

Так, митрополит Антоний Сурожский допускает «двустороннее» понимание смысла, который может относиться как к добродетели, святости, так и к греховным проявлениям человека. Духовный смысл в данном случае определяется не содержанием явления, предмета или поступка как такового, его отражением логоса как Божественного Слова, но тем, что сам предмет рассмотрения ставится в определенное отношение к Богу. Иными словами, духовным смыслом в данном случае будет обладать то, что определяется из его отношения к Божественному, в свете которого оно и наделяется характеристикой добродетельности или греховности: *«...объект, человек, ситуация — все, о чем можно рассуждать, — имеют смысл в той мере, в которой относятся к предельным вещам — то есть, в моем понимании, к Богу. То, что направлено к Богу или удаляется от Него, имеет смысл. В первом случае этот смысл может проявляться как красота, святость, совершенство, во втором — как грех, разрушение, смерть. Однако в обоих случаях оно обретает смысл, когда соотносится с тем, что является предельной точкой, отталкиваясь или приближаясь к которой можно двигаться или рассуждать»* [2, с. 94].

Интересные комментарии о духовном смысле таинства соборования дает священнослужитель Православной церкви в Америке XX в., протопресвитер Александр Шмеман. Вопреки расхожему мнению об исцелении больных каким-либо недугом как сути таинства, протопресвитер предупреждает такое понимание как неверное. Богослов говорит о том, что смысл таинства заключается во внутреннем преображении страждущего, в котором происходит его переосмысление собственного недуга, благодаря чему становится возможным воспринять и нести страдание не как тяжкий груз, но как крест, взятый с ра-

достью во имя Христа: «...цель таинства в изменении самого понимания, самого приятия страданий и болезни, в приятии их как дара страданий Христовых, претворенных Им в победу. <...> Во Христе страдание не “устраняется”, а преобразуется в победу и в этой победе — единственное истинное исцеление. <...> И в том первый и самый глубокий смысл этой победы, что осмысленным стало само страдание, подвигом, усилием, преобразованием» [53, с. 245].

Таким образом, в работах христианских авторов и писаниях святых отцов духовный смысл представляется как отражение в личности Божественного Слова, проявляемого в созерцании и прозрении сути Священного Писания, таинств, жизненных явлений. Современные богословы говорят о духовном смысле как о соотношении того или иного содержания, факта, ситуации с Богом, в свете чего открывается истинный замысел происходящего.

3. Развитие представлений о духовности в психологии

В начале XX в. с расцветом психоанализа религиозные верования были подвергнуты критике со стороны новой психологической школы. Основатель психоанализа З. Фрейд, анализируя ритуальные практики, приходит к выводу о невротическом характере совершаемых религиозных обрядов в силу их повторения [46]. В дальнейшем Фрейд высказывает идею о том, что духовный опыт является продуктом психической деятельности самого человека [47], в то время как сама религия в общем и целом может быть названа большой иррациональной иллюзией [48]. Однако дальнейшее развитие психоаналитического направления в русле школ учеников З. Фрейда шло в иных рамках в отношении осмысления духовных и религиозных феноменов. Так, в работах К. Юнга оставлено богатое и сложное по своим идеям наследие психологического анализа духовности человека. Юнг разделял понятия души и духа, полагая, что духовное есть высшее проявление душевной жизни. Юнг видел духовное измерение как пространство реализации потенциала человека, выходящее за пределы его единоличного существования: *«Жизнь и дух представляют собой две силы, или необходимости, между которыми находится человек. Дух наделяет его жизнь смыслом и возможность величайшего личностного расцвета»* [56, с. 291].

Дальнейшее развитие идей о духовности в психологии можно встретить в работах неопрейдистских и гуманистических психологов — Э. Фромма, В. Франкла и А. Маслоу, которые развивали идеи о высших проявлениях человеческой природы. Немецкий философ и социальный психолог Э. Фромм критикует тенденцию современного общества к количественному обладанию материальными благами и отмечает необходимость качественно развивать свое бытие в мире: *«...быть многим, а не обладать многим»* [49, с. 32]. Основоположник экзистенциального подхода В. Франкл выделял в качестве одного из измерений человека, наряду с соматическим и психическим, так называемое *ноэтическое* из-

мерение, раскрывая последнее как подлинно человеческое основание его бытия: *«...мы должны следовать за человеком в измерение исключительно человеческих феноменов, которым является духовное измерение бытия»* [45, с. 77]. Отождествление высшей формы человечности и духовного функционирования встречается также в работах американского психолога А. Маслоу: *«Духовная жизнь, тем самым, является частью человеческой сущности. Это определяющая характеристика человеческой природы, без которой человеческая природа не будет являться таковой в полной мере»* [37, с. 153]. Согласно Маслоу, духовное развитие личности возможно в том случае, если индивид совершает трансценденцию собственного Я, то есть выходит за пределы собственного эгоистического существования на уровень бытия. А. Маслоу ставит духовные, или бытийные, потребности в ряд врожденных и биологических, определяя их как «высшую природу» человека.

В российской досоветской психологической науке, пожалуй, наиболее развернутые идеи о духовной жизни человека можно встретить в работах невропатолога и психиатра В. М. Бехтерева, изложившего свои теоретические взгляды в работе «Бессмертие человеческой личности как научная проблема» [4]. Согласно Бехтереву, духовность определяется выходом за пределы обыденности, в результате чего личность способна внести вклад и продолжить свою жизнь в других людях и обществе в целом. Духовная личность производит продукты духовной культуры, которые затем остаются в ней в качестве общечеловеческого наследия и продолжают в новых личностях: *«...каждая личность делает тот или иной... вклад в общечеловеческую духовную культуру своей деятельностью и... живет вечно, как известная частица в творениях общечеловеческой духовной культуры, которая является слагаемой из производительного труда всех вообще отдельных человеческих личностей»* [там же, с. 9]. Создатель учения о доминанте А. А. Ухтомский [42], работавший преимущественно в направлении физиологии, приходит к выводу о внимании к духу как к главной доминанте души. В отдельных записях физиолога содержится прямое послание к психологической науке в отношении перспективы изучения духовных феноменов: *«Впрочем, для науки остается весьма важная проблема — выяснить возможность религиозного опыта... а потом и исследовать этот вид опыта»* [там же, с. 143].

В советский период психологическая наука переживала серьезный кризис и невозможность полнокровного развития в силу политического строя страны. Формирование идей и теорий о духовности, как и личности как таковой, оказалось крайне затруднено вплоть до конца XX в. Тем не менее в отдельных работах и записях возможно проследить осторожные заметки отечественных психологов о духовном аспекте жизни и возможностях его анализа. Оригинальное решение анализа духовной жизни человека мы находим в работах С. Л. Рубинштейна, предлагающего взгляд на поступок как смысловое отражение духовной сути индивида: *«Смысловой анализ человеческого поведения выступает как путь раскрытия его духовной жизни для определения того, что для*

человека значимо, как происходит изменение акцентов, переоценка ценностей — всего, что составляет историю душевной, духовной жизни человека» [40, с. 63]. Схожие мотивы относительно необходимости рассмотрения деятельного образа жизни человека обнаруживаются в записях Л. С. Выготского. Выготский обращается к метафизическому принципу этики Б. Спинозы *Amor Dei intellectualis*, который раскрывается в идее познания Бога как высшего блага. Согласно Выготскому, следование данному принципу *«ведет к высшему проявлению человеческой природы, к могуществу духа»* [13, с. 436]. При этом изменение природы человека, согласно Выготскому, должно происходить не только и не столько путем созерцания блага, сколько через изменение образа жизни, через которое открывается возможность свободы как следования осознанной необходимости [там же].

С наступлением «потепления» в отечественной психологической науке было дано фактически «второе дыхание» проблемам личности, смысла. Постепенно вставал вопрос и о возвращении первоначально предмета психологической науки в фокус зрения: *«Хотелось бы надеяться, что обращение психологии к проблематике смысла повлечет за собой возвращение в нее проблематики души»* [17, с. 29]. Схожее упование выражалось и Б. С. Братусем [5; 6; 7], выпустившим несколько статей на тему возвращения в психологию утраченных ею «души» и «духа». Братусем [5] предлагается формула разотождествления «душевного» и «духовного», согласно которой инструментами выражения явлений первого является психический и психофизиологический аппарат, а опорным по отношению ко второму — личность как особое образование. Духовное при этом понимается Братусем как высшая форма отношения к себе, к миру, к другим и для верующего человека — к Богу. Важно отметить принадлежность идей Братуса к руслу христианской психологии, совмещающей в себе наследие психологической науки и святоотеческой церковной традиции.

Говоря о разработке психологической теории духовности вне какой-либо религиозной конфессии, стоит подробнее остановиться на идеях В. П. Зинченко о вертикали духовного развития. Зинченко сочувственно приводит слова М. Фуко о невозможности духовного бытия субъекта в его собственной данности и неперменной необходимости совершения им движения в сторону изъятия себя из привычных обстоятельств и собственного изменения. Из этих представлений Зинченко определяет духовность как *«те поиски, практику и опыт, посредством которых субъект производит в себе самом изменения, необходимые для того, чтобы получить доступ к истине»* [18, с. 163].

Современное понимание духовности в отечественной психологии, позволяющее приблизить метафорико-теоретические воззрения к эмпирическим реалиям, раскрывается в работах Д. А. Леонтьева [30]. Автор подмечает опасную для научного дискурса склонность к теоретическим рассуждениям о духовности исключительно на идеальном уровне в отрыве от действительности и обосновывает необходимость

ее рассмотрения как аспекта реальной жизнедеятельности человека. Д. А. Леонтьев приходит к рассмотрению духовности как высшего механизма саморегуляции человека, что делает центральным моментом не ценности, творчество или религиозность сами по себе, но личность, вступающую в особый род отношений с миром, собой и надиндивидуальным измерением. Духовная жизнь личности раскрывается в поступке как акте, замысел которого трансцендентен конкретно-ситуативному бытию и связан с более широким контекстом смысловой реальности. При этом ценностной детерминации, характерной для духовной саморегуляции, присущи широкая альтернативность и свобода действия самой личности в связи с отсутствием иерархии и, соответственно, предзаданности бытийных ценностей: *«Суть этого [духовного] способа существования заключается в выходе за пределы иерархии узколичных потребностей в пространство, где ориентирами для самоопределения служит широкий спектр общечеловеческих и трансцендентных духовных ценностей»* [30, с. 21].

Согласно Д. А. Леонтьеву, духовный уровень функционирования подразумевает открытость личности по отношению к собственным смыслам, гибкость ее смысловой структуры. О тесной связи ноэтического (духовного) измерения и смыслового пространства говорил и В. Франкл [45]. Таким образом, ключ к пониманию духовных феноменов в психологии может пролегать в области смыслового строения личности.

Перспективы введения понятия духовного смысла

Наибольшее развитие идеи о смысле получили в русле экзистенциального направления философии и психологии в середине предыдущего столетия. Это было напрямую связано с утратой определенности, отсутствием уверенности в грядущем и встающей перед каждым человеком необходимостью поиска личного значения переживаемых событий XX в. [33]. Проблема смысловой направленности поведения человека была наиболее ярко озвучена А. Адлером, который перевел прежде причинный вопрос о смысле «почему?» в телеологическую плоскость «зачем?» [29]. К. Г. Юнг [55] также не обошел эту тему, но, в отличие от Адлера, утверждал, что без смысла можно обойтись, однако потребность в смысле как поиске целей, выходящих за пределы единичного человеческого существования, является необходимой составляющей душевного здоровья. Основатель логотерапии В. Франкл [44], в свою очередь, сделал понятие смысла центральным. Он подчеркивал, что смысл необходим, он должен задавать бытию человека трансцендентную перспективу и назначение, к поиску и осуществлению которого должна устремиться его жизнь.

В отечественной традиции теоретическое исследование смысла проходило главным образом вдоль магистральной линии идеи об укорененности индивидуального сознания в бытии [18]. Смыслу отводи-

лась роль ведущего принципа строения сознания [12; 16], подчеркивался его пограничный характер между идеальным и реальным [9] через формирование субъективного отношения к предмету реальности [29]. Итак, смысловые образования получают статус «ядра», базовой единицы личности [39], и *«хотим мы того или не хотим, мы ищем смысла от бытия»* [17, с. 17].

Поистине большую работу по систематизации представлений о смысле провел Д. А. Леонтьев [29]. Так, он предлагает определение смысла как отношения *«между субъектом и объектом или явлением действительности, которое определяется местом объекта (явления) в жизни субъекта, выделяет этот объект (явление) в образе мира и воплощается в личностных структурах, регулирующих поведение субъекта по отношению к данному объекту (явлению)»* [там же, с. 102]. Согласно такому определению смысловые ориентации могут быть отнесены к психологическим ресурсам, способным снижать степень уязвимости индивида к неблагоприятным жизненным событиям и воздействиям [32].

Понятие «духовный смысл» не получило должного развития в отечественной психологии, однако мы можем реконструировать контекст, в котором оно, на наш взгляд, могло бы развиваться. Для начала мы предлагаем рассматривать духовный смысл, о котором идет речь, как особый случай смысловых ориентаций, направленных на нечто трансцендентное. Кроме того, духовный смысл может быть понят нами как осмысленность чего-либо в отношении ценностного образования, находящегося вне субъекта. Сюда относятся разные метаценности, о которых говорил А. Маслоу [37]. В таком случае духовный смысл может быть понят как метаресурс в классификации Д. А. Леонтьева [33], поскольку последние представляют собой некоторые фундаментальные образования, способные к мобилизации в самых разнообразных ситуациях (в противоположность ресурсам узконаправленным, работающим на более специфичные задачи). Более того, мы считаем допустимым отнести духовные ресурсы личности к числу метаресурсов [11], поскольку они, с одной стороны, личности прямо не принадлежат, но, с другой стороны, могут быть включены в ее потенциал при условии выполнения задачи выхода за собственные субъективные пределы наличного в пространство возможного и/или далее — в пространство невозможного, как происходит, например, в молитве (см.: [10]).

Вместе с тем Д. А. Леонтьев [30] отмечает, что духовность и смысл не соотносятся друг с другом напрямую, но пересекаются в том случае, когда субъект способен выйти за пределы эгоцентрического функционирования на уровень трансцендентного надиндивидуального бытия, вступая, таким образом, в качественно иные взаимоотношения с миром и другими людьми. Вращивание высших ценностей, кристаллизованных в культуре, в собственную структуру личности позволяет субъекту сформировать своеобразный «жизнеуказующий маяк», направляющий всю жизнедеятельность человека и служащий ему в качестве источника смыслов [28].

Введение измерения духовного смысла особым образом обогащает сферу исследований развития личности. Так, духовное развитие может пониматься как развитие тех качеств субъекта, которые способствуют большей интеграции личности как с точки зрения ее внутреннего содержания, так и в контексте ее более гармоничного сосуществования с окружающим миром [1; 50]. Духовные идеи могут носить характер «сверхценностей», которые интегрируют всю смысловую структуру личности, затрагивая все аспекты ее жизнедеятельности [23]. Именно духовное осмысление жизни позволяет личности организоваться в новую целостность: *«Актуальнейшая составляющая процесса развития личности — обретение “духовного времени” — Смысла (с большой буквы), объединяющего настоящее, прошедшее и будущее в единую линию жизни»* [51, с. 21]. Таким образом, одним из путей изучения духовного измерения человека является нахождение высших форм смыслообразования личности [5].

Заключение

В русле зарубежной и отечественной психологической мысли не раз высказывались идеи о тесной взаимосвязи (а иногда и тождестве) духовных и смысловых образований. Тем не менее данные идеи долгое время находятся на уровне теоретических разработок и не выходят на уровень эмпирической науки. Во многом данная ситуация связана с отсутствием понятия, способного отразить единицу анализа духовных феноменов в психологических исследованиях. В данной статье предлагается понятие духовного смысла как отражения духовного опыта личности в смысловой структуре сознания. Категория духовного смысла может пониматься как системообразующий фактор, выстраивающий и трансформирующий отношение субъекта к чему-либо в связи с соотносением жизненных обстоятельств с тем, что представлено в феноменологическом пространстве человека как Высшее/Божественное. Данная категория может пониматься в широком значении как смысл, взятый в соотносении с трансцендентным содержанием, что позволяет применять его как к верующим представителям различных конфессий, так и по отношению к тем, кто не идентифицирует себя с какой-либо религией. Понятие духовного смысла, таким образом, может служить операциональным понятием в междисциплинарных исследованиях феноменов, связанных с религиозной и духовной жизнью человека.

The problem of studying spiritual phenomena is relevant in connection with the increasing demands from various social and medical services for the development of knowledge-intensive models of work and assistance, taking into account the spiritual dimension of human life. The article reviews the main views on the essence and nature of spiritual phenomena in psychological science, taking into account the prerequisites in philosophical and religious traditions, and outlines the readiness and possibilities of using the concept of “spiritual meaning” by psychology as a reflection of a person’s spiritual experience in the semantic structure of consciousness. It is believed that spiritual meaning is a category capable of carrying out research in the field of spirituality, religiosity and psychology at an interdisciplinary level.

Keywords: spiritual meaning, spirituality, soul, psychology of spirituality, meaning, self-regulation.

Литература

1. Агузумцян, Р. В. Определение духовности как психологической реальности / Р. В. Агузумцян, Н. Г. Хачатрян. — Москва : Институт психологии РАН, 2011. — 480 с.
Aguzumczyan, R. V. Opredelenie duchovnosti kak psixologicheskoy real'nosti / R. V. Aguzumczyan, N. G. Xachatryan. — Moskva : Institut psixologii RAN, 2011. — 480 s.
2. Антоний (Блум Андрей Борисович; митр. Сурожский). Хаос. Закон. Свобода : беседы о смыслах / митрополит Антоний Сурожский. — Москва : Никея, 2020. — 368 с.
Antonij (Blum Andrej Borisovich; mitr. Surozhskij). Haos. Zakon. Svoboda : besedy' o smy'slax / mitropolit Antonij Surozhskij. — Moskva : Nikeya, 2020. — 368 s.
3. Бахтин, М. М. Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. — 2-е изд. — Москва : Искусство, 1979. — 485 с.
Baxtin, M. M. E'stetika slovesnogo tvorchestva / M. M. Baxtin. — 2-e izd. — Moskva : Iskustvo, 1979. — 485 s.
4. Бехтерев, В. М. Бессмертие человеческой личности как научная проблема / В. М. Бехтерев. — Санкт-Петербург : Алетея, 1999. — 255 с.
Bexterev, V. M. Bessmertie chelovecheskoj lichnosti kak nauchnaya problema / V. M. Bexterev. — Sankt-Peterburg : Aleteja, 1999. — 255 s.
5. Братусь, Б. С. Проблема возвращения категории «Души» в научную психологию / Б. С. Братусь // Национальный психологический журнал. — 2014. — Т. 3, № 15. — С. 3–12.
Bratus', B. S. Problema vozvrashheniya kategorii «Dushi» v nauchnuyu psixologiyu / B. S. Bratus' // Nacional'ny'j psixologicheskij zhurnal. — 2014. — T. 3, № 15. — S. 3–12.
6. Братусь, Б. С. «Психика» и «личность» в отсутствии «души» и «духа» / Б. С. Братусь // Консультативная психология и психотерапия. — 2014. — Т. 5, № 22. — С. 118–138.
Bratus', B. S. «Psixika» i «lichnost'» v otsutstvii «dushi» i «duxa» / B. S. Bratus' // Konsul'tativnaya psixologiya i psixoterapiya. — 2014. — T. 5, № 22. — S. 118–138.
7. Братусь, Б. С. Психология и духовность — две вещи несовместные? / Б. С. Братусь // Психология : журнал Высшей школы экономики. — 2019. — Т. 3, № 16. — С. 470–478.
Bratus', B. S. Psixologiya i duchovnost' — dve veshhi nesovmestny'e? / B. S. Bratus' // Psixologiya : zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomiki. — 2019. — T. 3, № 16. — S. 470–478.
8. Бычков, В. В. Эстетика Аврелия Августина / В. В. Бычков. — Москва : Искусство, 1984. — 264 с.
Vy'chkov, V. V. E'stetika Avreliya Avgustina / V. V. Vy'chkov. — Moskva : Iskustvo, 1984. — 264 s.
9. Василюк, Ф. Е. Психология переживания / Ф. Е. Василюк. — Москва : Изд-во Московского университета, 1984. — 200 с.
Vasilyuk, F. E. Psixologiya perezhivaniya / F. E. Vasilyuk. — Moskva : Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1984. — 200 s.
10. Василюк, Ф. Е. Переживание и молитва: опыт общепсихологического исследования / Ф. Е. Василюк. — 2-е изд. — Москва : Смысл, 2021. — 244 с.
Vasilyuk, F. E. Perezhivanie i molitva: opyt' obshhepsixologicheskogo issledovaniya / F. E. Vasilyuk. — 2-e izd. — Moskva : Smy'sl, 2021. — 244 s.
11. Витко, Ю. С. Духовность как индикатор качества жизни, связанного с психическим здоровьем / Ю. С. Витко, А. А. Лебедева // Неврологический вестник. — 2019. — № 4 (21). — С. 88–91.
Vitko, Yu. S. Duchovnost' kak indikator kachestva zhizni, svyazannogo s psixicheskim zdorov'em / Yu. S. Vitko, A. A. Lebedeva // Nevrologicheskij vestnik. — 2019. — № 4 (21). — S. 88–91.

12. *Выготский, Л. С.* Собрание сочинений : в 6 т. / Л. С. Выготский. — Москва : Педагогика, 1982. — Т. 1. Вопросы теории и истории психологии / под ред. А. Р. Лурии, М. Г. Ярошевского. — 487 с.

Vy'gotskij, L. S. Sbranie sochinenij : v 6 t. / L. S. Vy'gotskij. — Moskva : Pedagogika, 1982. — T. 1. Voprosy' teorii i istorii psixologii / pod red. A. R. Lurii, M. G. Yaroshevskogo. — 487 s.

13. *Выготский, Л. С.* Записные книжки Л. С. Выготского : избранное / Л. С. Выготский. — Москва : Канон+, 2017. — 606 с.

Vy'gotskij, L. S. Zapisny'e knizhki L. S. Vy'gotskogo : izbrannoe / L. S. Vy'gotskij. — Moskva : Kanon+, 2017. — 606 s.

14. *Джеймс, У.* Многообразие религиозного опыта. Исследование человеческой природы / У. Джеймс ; пер. В. Г. Малахиевой-Мирович, М. В. Шик ; под ред. С. В. Лурье. — Москва : Академический проект, 2017. — 415 с.

Dzhejms, U. Mnogoobrazie religioznogo opy'ta. Issledovanie chelovecheskoj prirody' / U. Dzhejms ; per. V. G. Malaxievoj-Mirovich, M. V. Shik ; pod red. S. V. Lur'e. — Moskva : Akademicheskij proekt, 2017. — 415 s.

15. *Ждан, А. Н.* История психологии : от Античности до наших дней / А. Н. Ждан. — Москва : Академический проект, 2012. — 588 с.

Zhdan, A. N. Istoriya psixologii : ot Antichnosti do nashix dnei' / A. N. Zhdan. — Moskva : Akademicheskij proekt, 2012. — 588 s.

16. *Завершнева, Е. Ю.* Две линии развития категории «смысл» в работах Л. С. Выготского / Е. Ю. Завершнева // Вопросы психологии. — 2015. — № 3. — С. 116–132.

Zavershneva, E. Yu. Dve linii razvitiya kategorii «smy'sl» v rabotax L. S. Vy'gotskogo / E. Yu. Zavershneva // Voprosy' psixologii. — 2015. — № 3. — S. 116–132.

17. *Зинченко, В. П.* Порождение и метаморфозы смысла: от метафоры к метаформе / В. П. Зинченко // Культурно-историческая психология. — 2007. — № 3 (3). — С. 17–30.

Zinchenko, V. P. Porozhdenie i metamorfozy' smy'sla: ot metafory' k metaforme / V. P. Zinchenko // Kul'turno-istoricheskaya psixologiya. — 2007. — № 3 (3). — S. 17–30.

18. *Зинченко, В. П.* Сознание и творческий акт / В. П. Зинченко. — Москва : Языки славянских культур, 2010. — 588 с.

Zinchenko, V. P. Soznanie i tvorcheskij akt / V. P. Zinchenko. — Moskva : Yazy'ki slavyanskix kul'tur, 2010. — 588 s.

19. *Ильин, И. А.* Собрание сочинений : в 10 т. / И. А. Ильин. — Москва : Русская книга, 1999.

Il'in, I. A. Sbranie sochinenij : v 10 t. / I. A. Il'in. — Moskva : Russkaya kniga, 1999.

20. *Исаев, А. В.* Духовно-нравственный смысл болезни и здоровья в философии И. А. Ильина / А. В. Исаев // Вестник Челябинского государственного университета. — 2022. — № 463 (5). — С. 131–139.

Isaev, A. V. Duxovno-nravstvenny'j smy'sl bolezni i zdorov'ya v filosofii I. A. Il'ina / A. V. Isaev // Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2022. — № 463 (5). — S. 131–139.

21. *Калитеевская, Е. С.* Психическое здоровье как способ бытия в мире: от объяснения к переживанию / Е. С. Калитеевская ; под ред. Д. А. Леонтьева, В. Г. Шур. — Москва : Смысл, 1997. — 366 с.

Kaliteevskaya, E. S. Psixicheskoe zdorov'e kak sposob by'tiya v mire: ot ob'yasneniya k perezhivaniyu / E. S. Kaliteevskaya ; pod red. D. A. Leont'eva, V. G. Shhur. — Moskva : Smy'sl, 1997. — 366 s.

22. *Кондратьев, М. Ю.* Психология и религия: параллельные проблемно-предметные плоскости / М. Ю. Кондратьев // Психология : журнал Высшей школы экономики. — 2007. — № 2 (4). — С. 65–73.

Kondrat'ev, M. Yu. Psixologiya i religiya: parallel'ny'e problemno-predmetny'e ploskosti / M. Yu. Kondrat'ev // Psixologiya : zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomiki. — 2007. — № 2 (4). — С. 65–73.

23. *Котенева, А. В.* Феномен веры как основа жизнестойкости личности / А. В. Котенева // Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности. — 2014. — № 4. — С. 32–35.

Koteneva, A. V. Fenomen very' kak osnova zhiznestojkosti lichnosti / A. V. Koteneva // Lichnost' v e'kstremal'ny'x usloviyax i krizisny'x situatsiyax zhiznedejatel'nosti. — 2014. — № 4. — С. 32–35.

24. *Красноярова, Н. Г.* Модальности любви в бытии человека / Н. Г. Красноярова, Н. А. Трубина // Наука о человеке: гуманитарные исследования. — 2013. — № 12 (2). — С. 126–130.

Krasnoyarova, N. G. Modal'nosti lyubvi v by'tii cheloveka / N. G. Krasnoyarova, N. A. Trubina // Nauka o cheloveke: humanitarny'e issledovaniya. — 2013. — № 12 (2). — С. 126–130.

25. *Куманьков, А. Д.* С. Л. Франк в поисках духовного смысла Великой войны / А. Д. Куманьков // Философские науки. — 2017. — № 3. — С. 38–52.

Kuman'kov, A. D. S. L. Frank v poiskakh duxovnogo smy'sla Velikoj vojny' / A. D. Kuman'kov // Filosofskie nauki. — 2017. — № 3. — С. 38–52.

26. *Кушнаренко, С. П.* Онтология личности по учению Максима Исповедника и философская герменевтика г. Гадамера / С. П. Кушнаренко // Вестник Томского государственного университета. — 2009. — № 324. — С. 84–92.

Kushnarenko, S. P. Ontologiya lichnosti po ucheniyu Maksima Ispovednika i filosofskaya germeneytika g. Gadamera / S. P. Kushnarenko // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. — 2009. — № 324. — С. 84–92.

27. *Ларше, Ж. К.* Исцеление психических болезней : Опыт христианского Востока первых веков / Ж. К. Ларше. — Москва : Изд-во Сретенского монастыря, 2007. — 224 с.

Larshe, Zh. K. Iscelenie psixicheskix boleznej : Opy't khristianskogo Vostoka pervy'x vekov / Zh. K. Larshe. — Moskva : Izd-vo Sretenskogo monasty'rya, 2007. — 224 s.

28. *Леонтьев, Д. А.* Очерк психологии личности / Д. А. Леонтьев. — 2-е изд. — Москва : Смысл, 1997. — 63 с.

Leont'ev, D. A. Ocherk psixologii lichnosti / D. A. Leont'ev. — 2-e izd. — Moskva : Smy'sl, 1997. — 63 s.

29. *Леонтьев, Д. А.* Психология смысла : Природа, строение и динамика смысловой реальности : учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по направлению и специальностям психологии / Д. А. Леонтьев. — Москва : Смысл, 2003. — 486 с.

Leont'ev, D. A. Psixologiya smy'sla : Priroda, stroenie i dinamika smy'slovoj real'nosti : ucheb. posobie dlya stud. vuzov, obuchayushhixsya po napravleniyu i special'nostyam psixologii / D. A. Leont'ev. — Moskva : Smy'sl, 2003. — 486 s.

30. *Леонтьев, Д. А.* Духовность, саморегуляция и ценности / Д. А. Леонтьев // Известия Южного федерального университета. Технические науки. — 2005. — № 7 (51). — С. 16–21.

Leont'ev, D. A. Duxovnost', samoregulyaciya i cennosti / D. A. Leont'ev // Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Texnicheskie nauki. — 2005. — № 7 (51). — С. 16–21.

31. *Леонтьев, Д. А.* Кесарю кесарево / Д. А. Леонтьев // Психология : журнал Высшей школы экономики. — 2007. — № 4 (4). — С. 58–63.

Leont'ev, D. A. Kesaryu kesarevo / D. A. Leont'ev // Psixologiya : zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomiki. — 2007. — № 4 (4). — С. 58–63.

32. *Леонтьев, Д. А.* Психологические ресурсы преодоления стрессовых ситуаций: к уточнению базовых конструкторов / Д. А. Леонтьев // Психология стресса и совладающе-

го поведения в современном российском обществе : матер. II Междунар. науч.-практ. конф. : в 2 т. — Кострома, 2010. — Т. 2. — С. 40–42.

Leont'ev, D. A. Psixologicheskie resursy' preodoleniya stressovy'x situacij: k utocnениyu bazovy'x konstruktov / D. A. Leont'ev // Psixologiya stressa i sovladayushhego povedeniya v sovremennom rossijskom obshhestve : mater. II Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. : v 2 t. — Kostroma, 2010. — Т. 2. — С. 40–42.

33. *Леонтьев, Д. А.* Экзистенциальный подход в современной психологии личности / Д. А. Леонтьев // Вопросы психологии. — 2016. — № 3. — С. 3–15.

Leont'ev, D. A. E'kzistencial'ny'j podxod v sovremennoj psixologii lichnosti / D. A. Leont'ev // Voprosy' psixologii. — 2016. — № 3. — С. 3–15.

34. *Лоргус, А. В.* Психология с религией или без нее? / А. В. Лоргус // Психология : журнал Высшей школы экономики. — 2007. — № 2 (4). — С. 58–64.

Lorgus, A. V. Psixologiya s religiej ili bez nee? / A. V. Lorgus // Psixologiya : zhurnal Vy'sshej shkoly' e'konomiki. — 2007. — № 2 (4). — С. 58–64.

35. *Максим Исповедник (преподобный).* Вопросыответы к Фалассию. Часть 1. Вопросы I–LV / преподобный Максим Исповедник. — Москва : Мартис, 1993. — 288 с.

Maksim Ispovednik (prepodobny'j). Voprosootvety' k Falassiyu. Chast' 1. Voprosy' I–LV / prepodobny'j Maksim Ispovednik. — Moskva : Martis, 1993. — 288 s.

36. *Максим Исповедник (преподобный).* Избранные творения преподобного Максима Исповедника / преподобный Максим Исповедник ; [пер., вступ. ст., коммент. и прилож. — Сидоров А. И.]. — Москва : Паломникъ, 2004. — 493 с.

Maksim Ispovednik (prepodobny'j). Izbranny'e tvoreniya prepodobnogo Maksima Ispovednika / prepodobny'j Maksim Ispovednik ; [per., vstup. st., komment. i prilozh. — Sidorov A. I.]. — Moskva : Palomnik'', 2004. — 493 s.

37. *Маслоу, А.* Новые рубежи человеческой природы / А. Маслоу. — Москва : Смысл, 1999. — 425 с.

Maslou, A. Novy'e rubezhi chelovecheskoj prirody' / A. Maslou. — Moskva : Smy'sl, 1999. — 425 s.

38. *Новиков, А. В.* Психические болезни как объект религиозно-философского осмысления / А. В. Новиков // Манускрипт. — 2017. — № 85 (11). — С. 127–130.

Novikov, A. V. Psixicheskie bolezni kak ob'ekt religiozno-filosofskogo osmy'sleniya / A. V. Novikov // Manuscript. — 2017. — № 85 (11). — С. 127–130.

39. О некоторых перспективах исследований смысловых образований личности / А. Г. Асмолов, Б. С. Братусь, В. П. Зинченко [и др.] // Вопросы психологии. — 1979. — № 3. — С. 35–45.

О nekotory'x perspektivax issledovanij smy'slovy'x obrazovanij lichnosti / A. G. Asmolov, B. S. Bratus', V. P. Zinchenko [i dr.] // Voprosy' psixologii. — 1979. — № 3. — С. 35–45.

40. *Рубинштейн, С. Л.* Человек и мир / С. Л. Рубинштейн. — 2-е изд. — Москва : Педагогика, 1976. — 416 с.

Rubinshtejn, S. L. Chelovek i mir / S. L. Rubinshtejn. — 2-e izd. — Moskva : Pedagogika, 1976. — 416 s.

41. *Сирин, И.* О божественных тайнах и о духовной жизни. Новооткрытые тексты / Исаак Сирин ; пер. митрополита Илариона. — 3-е изд. — Санкт-Петербург : Изд-во Олега Абышко, 2006. — 336 с.

Sirin, I. O bozhestvenny'x tajnax i o duxovnoj zhizni. Novootkry'ty'e teksty' / Isaak Sirin ; per. mitropolita Ilariona. — 3-e izd. — Sankt-Peterburg : Izd-vo Olega Aby'shko, 2006. — 336 s.

42. *Ухтомский, А. А.* Доминанта / А. А. Ухтомский. — Санкт-Петербург : Питер, 2002. — 448 с.

Uxtomskij, A. A. Dominanta / A. A. Uxtomskij. — Sankt-Peterburg : Piter, 2002. — 448 s.

43. *Фома Аквинский. Учение о душе* / Фома Аквинский ; [пер. с лат. К. Бандуровского, М. Гейде]. — Санкт-Петербург : Азбука-классика, 2004. — 477 с.

Foma Akvinskij. Uchenie o dushe / Foma Akvinskij ; [per. s lat. K. Bandurovskogo, M. Gejde]. — Sankt-Peterburg : Azbuka-klassika, 2004. — 477 s.

44. *Франкл, В. Человек в поисках смысла* / В. Франкл. — Москва : Прогресс, 1990. — 366 с.

Frankl, V. Chelovek v poiskakh smy'sla / V. Frankl. — Moskva : Progress, 1990. — 366 s.

45. *Франкл, В. Воля к смыслу* / В. Франкл ; под ред. К. Чистопольской ; пер. Л. Сумм. — Москва : Альпина нон-фикшн, 2018. — 228 с.

Frankl, V. Volya k smy'slu / V. Frankl ; pod red. K. Chistopol'skoj ; per. L. Summ. — Moskva : Al'pina non-fikshn, 2018. — 228 s.

46. *Фрейд, З. Навязчивость, паранойя и перверсия* / З. Фрейд ; пер. А. Боковикова. — Москва : Фирма СТД, 2006. — 335 с.

Frejd, Z. Navyazchivost', paranojya i perversiya / Z. Frejd ; per. A. Bokovikova. — Moskva : Firma STD, 2006. — 335 s.

47. *Фрейд, З. Тотем и табу. «Я» и «Оно»* / З. Фрейд. — Санкт-Петербург : Азбука, 2022. — 832 с.

Frejd, Z. Totem i tabu. «Ya» i «Ono» / Z. Frejd. — Sankt-Peterburg : Azbuka, 2022. — 832 s.

48. *Фрейд, З. Тотем и табу. Будущее одной иллюзии* / З. Фрейд. — Москва : АСТ, 2023. — 352 с.

Frejd, Z. Totem i tabu. Budushhee odnoj illyuzii / Z. Frejd. — Moskva : AST, 2023. — 352 s.

49. *Фромм, Э. Иметь или быть?* / Э. Фромм. — Москва : Айрис-пресс, 2004. — 384 с.

Fromm, E'. Imet' ili by't'? / E'. Fromm. — Moskva : Ajris-press, 2004. — 384 s.

50. *Хачатрян, Н. Г. Методологические предпосылки изучения духовности* / Н. Г. Хачатрян, Р. В. Агузумцян // Национальный психологический журнал. — 2011. — № 1. — С. 14–18.

Xachatryan, N. G. Metodologicheskie predposy'lki izucheniya duxovnosti / N. G. Xachatryan, R. V. Aguzumczyan // Nacional'ny'j psixologicheskij zhurnal. — 2011. — № 1. — S. 14–18.

51. *Чудновский, В. Э. Смысл жизни и личность. Психологические проблемы смысла жизни и акме* / В. Э. Чудновский ; под ред. Г. А. Вайзер, Н. В. Кисельниковой, Т. В. Поповой. — Москва : ФГБНУ «Психологический институт РАО», 2015. — 333 с.

Chudnovskij, V. E'. Smy'sl zhizni i lichnost'. Psixologicheskie problemy' smy'sla zhizni i akme / V. E'. Chudnovskij ; pod red. G. A. Vajzer, N. V. Kisel'nikovoj, T. V. Popovoj. — Moskva : FGBNU «Psixologicheskij institut RAO», 2015. — 333 s.

52. *Шадриков, В. Д. Возвращение души: теоретические основания и методология психологической науки* / В. Д. Шадриков. — Москва : Изд-во Института психологии, 2021. — 208 с.

Shadrikov, V. D. Vozvrashhenie dushi: teoreticheskie osnovaniya i metodologiya psixologicheskoy nauki / V. D. Shadrikov. — Moskva : Izd-vo Instituta psixologii, 2021. — 208 s.

53. *Шмеман, А. Д. Вера и церковь* / А. Д. Шмеман. — Москва : Книжный клуб Киновек, 2012. — 592 с.

Shmetman, A. D. Vera i cerkov' / A. D. Shmeman. — Moskva : Knizhny'j klub Kinovek, 2012. — 592 s.

54. *Эпиктет. В чем наше благо?* / Эпиктет. — Санкт-Петербург : Азбука, 2022. — 192 с.

E'piktet. V chem nashe blago? / E'piktet. — Sankt-Peterburg : Azbuka, 2022. — 192 s.

55. *Юнг, К. Г. Архетип и символ* / К. Г. Юнг. — Москва : Renaissance, 1991. — 297 с.

Yung, K. G. Arxetip i simvol / K. G. Yung. — Moskva : Renaissance, 1991. — 297 s.

56. *Юнг, К. Проблемы души нашего времени* / К. Юнг. — Санкт-Петербург : Питер, 2020. — 336 с.

Yung, K. Problemy' dushi nashego vremeni / K. Yung. — Sankt-Peterburg : Piter, 2020. — 336 s.